

Научная статья

УДК 347.6

DOI 10.17150/1819-0928.2025.26(2).292-298

EDN TPMXYZ



Совершение сделок по распоряжению общим имуществом супругов

Наталья Геннадьевна Соломина

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

ngsolomina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3939-8680>

АННОТАЦИЯ

Совершенствование действующего гражданского законодательства привело к тому, что некоторым устоявшимся в доктрине механизмам реализации субъективных гражданских прав была дана оценка, далеко не всегда соответствующая сущности этих прав. Речь, в частности, идет о реализации правомочия распоряжения общим имуществом супругов, когда непосредственно саму сделку совершает лишь один из супругов. Такого рода сделки с некоторых пор стали рассматриваться исключительно через призму сделок, совершение которых требует согласия третьих лиц. Данный механизм совершения сделок в итоге получил и законодательное закрепление. В статье выявлена специфика сделок по распоряжению общим имуществом, совершенных одним из супругов, а также условия оспаривания их действительности. Автор раскрывает существо двух специальных механизмов оспаривания сделок по распоряжению общим имуществом, которые не имеют ничего общего с механизмом оспаривания сделки, совершенной в отсутствие согласия третьего лица. Установлено, что, если механизм оспаривания сделки по правилам пункта 2 статьи 35 СК РФ основан на дефекте способа изъявления согласованной воли супругов, то механизм оспаривания сделки по правилам пункта 3 статьи 35 СК РФ основан на дефекте формы изъявления согласованной воли супругов. В итоге автор приходит к выводу о том, что содержание нормы абзаца 2 пункта 3 статьи 35 СК РФ, отсылающее к применению правил статьи 173.1 ГК РФ, не соответствует цели правового регулирования отношений совместной собственности супругов, равно как не соответствует этой цели и вся сложившаяся за последнее десятилетие правоприменительная практика, допускающая применение статьи 173.1 ГК РФ при оспаривании действительности сделок по распоряжению общим имуществом супругов, совершенных одним из них.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

общее имущество супругов, совместная собственность, отчуждение имущества, согласие супруга, оспаривание действительности сделки

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Соломина Н.Г. Совершение сделок по распоряжению общим имуществом супругов / Н.Г. Соломина. — DOI 10.17150/1819-0928.2025.26(2).292-298. — EDN TPMXYZ // Академический юридический журнал. — 2025. — Т. 26, № 2. — С. 292–298.

Original article

Implementation of community property disposal

Natalia G. Solomina

Tyumen State University, Tyumen, Russia

ngsolomina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3939-8680>

ABSTRACT

The improvement of the current civil legislation has led to the fact that some doctrinally established mechanisms for the implementation of subjective civil rights have been evaluated, which does not always correspond to the essence of these rights. In particular, we are talking about the exercise of the right to dispose of the community property of the spouses, when only one of the spouses makes the transaction itself. For some time now, such transactions have been considered exclusively through the prism of transactions that require the consent of third parties. As a result, this transaction mechanism was also legislated. The article reveals the specifics of transactions involving the disposal of community property made by one of the spouses, as well as the conditions for challenging their validity. The author reveals the essence of two special mechanisms for challenging transactions involving the disposal of community property, which have nothing to do with the mechanism for challenging a transaction made without the consent of a third party. It is established that while the mechanism for challenging the transaction in accordance with the rules of paragraph 2 of Article 35 of the Family Code of the Russian Federation is based on a defect in the method of expressing the consensual will of the spouses, the mechanism for challenging the transaction according to the rules of paragraph 3 of Article 35 of the Family Code of the

© Соломина Н.Г., 2025

Russian Federation is based on a defect in the form of expressing the consensual will of the spouses. As a result, the author comes to the conclusion that the content of the norm of sub-paragraph 2 of paragraph 3 of Article 35 of the Family Code of the Russian Federation, referring to the application of the rules of Article 173.1 of the Civil Code of the Russian Federation, does not correspond to the purpose of legal regulation of marital property relations, nor does the entire law enforcement practice that has developed over the past decade, allowing the application of Article 173.1 of the Civil Code of the Russian Federation when challenging the validity of transactions involving the disposal of the common property of spouses made by one of them.

KEYWORDS

community property of spouses, joint ownership, expropriation of property, consent of spouse, disputing the validity of the transaction

FOR CITATION

Solomina N.G. Implementation of community property disposal. *Akademicheskiiy yuridicheskiiy journal* = *Academic Law Journal*. 2025;26(2):292–298. (In Russian). DOI: 10.17150/1819-0928.2025.26(2).292-298. EDN: TPMXYZ.

Введение

Научные работы последнего десятилетия, посвященные вопросу распоряжения общим имуществом супругов, в большинстве своем основываются на утверждении о том, что сделки, совершаемые одним из супругов в отношении такого имущества, относятся к числу сделок, для совершения которых требуется согласие третьего лица. Таким третьим лицом предлагают считать второго супруга. С годами данная позиция, подкрепленная соответствующей правоприменительной практикой, стала восприниматься чуть ли ни в качестве догмы [1; 2]. Оспаривание таких сделок как правило подводили под действие статьи 173.1 Гражданского кодекса Российской Федерации¹ (далее – ГК РФ, Гражданский кодекс РФ) [3, с. 10], что впоследствии (в 2022 году) получило законодательное закрепление в рамках обновленной редакции пункта 3 статьи 35 Семейного кодекса Российской Федерации² (далее – СК РФ, Семейный кодекс РФ).

В попытке найти какое-либо разумное объяснение данному подходу чаще всего наталкиваешься на безапелляционные заявления типа: «второй супруг не является и не может являться участником данной сделки» [4, с. 11]. Некоторые авторы демонстрируют свою приверженность к данной позиции указанием на то, что «так думает большинство», приводя при этом крайне недостаточные аргументы. Например, Н.В. Багрова в рамках своего диссертационного исследования в качестве аргумента выдвинула тезис о том, что наличие у супругов вещного права на отчуждаемое имущество не делает их участниками, выступающими на одной из сторон возникшего

обязательственного правоотношения [5, с. 179]. Аналогичное суждение высказано Е.В. Дятловым, считающим, что в вещных правоотношениях супруги в части обладания общим имуществом выступают как один субъект, а в обязательственных правоотношениях, когда сделка совершается одним из супругов, другой супруг, чье согласие требуется для совершения сделки, выступает в качестве третьего лица [6, с. 37].

Вполне допустимо, что в поиске защитного инструментария имущественных прав и законных интересов супруга, который фактически не участвовал в совершении сделки по отчуждению совместно нажитого в браке имущества, а также лиц, которые выступают в качестве добросовестных приобретателей такого имущества, правоприменитель, а вслед за ним и законодатель позволили себе провести аналогию между сделками, предметом которых выступает общее имущество супругов, и сделками, для совершения которых требуется согласие третьих лиц, подчинив правовой режим первых правовому режиму последних. Однако признать такой подход достоверным все же не представляется возможным.

На наш взгляд, нельзя обосновать достоверность изложенного подхода в том числе и ссылкой на принцип «причинения меньшего зла» супругу, не знавшему о сделке, которую совершал другой супруг в отношении общего имущества, или добросовестному приобретателю, у которого заведомо отсутствует достоверная информация о семейном положении отчуждателя имущества. А именно из такого посыла (еще до появления обновленной нормы пункта 3 статьи 35 СК РФ) исходил, например, А.Г. Карапетов, пришедший в итоге к выводу о том, что нужно сделать «трагический выбор» и отнести все риски исключительно на обманутого супруга, поскольку он сам виноват в сложившейся ситуации – выбрал себе в качестве супруга жулика [7].

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

² Семейный кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 29 дек. 1995 г. № 223-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

Основная часть

Как справедливо заметила Л.В. Летова, в контексте распоряжения общим имуществом супругов последние никогда в теории права не рассматривались в качестве третьих лиц [8, с. 32]. Законодательная установка пункта 2 статьи 35 СК РФ о том, что при совершении одним из супругов сделки по распоряжению общим имуществом супругов предполагается, что он действует с согласия другого супруга, основана не на презумпции согласия одного из супругов на совершение сделки другим супругом, а на презумпции согласования единой воли супругов на распоряжение общим имуществом [9, с. 131]. Данная презумпция основана на том, что супруг, не участвующий фактически в сделке, не является каким-либо «внешним» субъектом по отношению к ней, а выступает непосредственно на той стороне сделки, которую представляет второй супруг, что исключает применение положений статьи 173.1 ГК РФ [10, с. 105].

Позиция, допускающая применение статьи 173.1 ГК РФ к оспариванию сделок по распоряжению общим имуществом супругов, как совершенно верно указывает Е.Е. Пирогова, основана на формализме, игнорировании характера отношений по отчуждению совместно нажитого имущества супругов и непонимании того, что представляют собой третьи лица в гражданском праве [11, с. 8]. Для цели применения пункта 3 статьи 35 СК РФ (правда, еще в прежней редакции) Е.Е. Пирогова определила назначение нотариально удостоверенного согласия супруга. По ее мнению, такое согласие выступает и как волеизъявление на совершение сделки по отчуждению общим имуществом супругов, и как управомочие, данное одним супругом другому на совершение подобной сделки [11, с. 9]. Рассуждения данного автора привлекают к себе внимание не только приведенным выше тезисом, но и тем, что она напомнила судебному сообществу о том, что еще до появления статьи 173.1 ГК РФ суды вполне успешно справлялись с установлением основания оспаривания сделок по распоряжению общим имуществом супругов. Правоприменитель усматривал в таких сделках признаки сделки, не соответствующей закону, руководствуясь исключительно статьей 168 ГК РФ [11]. Заметим, что и сегодня оспаривание подобных сделок должно осуществляться исключительно через призму статьи 168 ГК РФ (даже несмотря на то, что содержание данной статьи в 2013 году было подвергнуто изменению).

Даже если гипотетически допустить, что супруг, не участвующий в сделке по распоряжению

общим имуществом супругов, является третьим лицом по отношению к совершаемой сделке, необходимо будет ответить на вопрос о том, почему супруг, участвующий в сделке, должен испрашивать согласие второго супруга на ее совершение? Данных лиц связывает общее имущество. А значит, возможно лишь одно объяснение, почему требуется получать согласие не участвующего в сделке супруга — имущество, подлежащее отчуждению, обременено правом этого супруга. Но каким именно правом? Не правом же общей совместной собственности? Несмотря на то, что такого вида обременения имущества отечественное гражданское законодательство не знает, предлагаем все же эту модель «обременения» рассмотреть с позиции приобретателя общего имущества. Итак, приобретатель, который не знал о том, что имущество обременено подобным правом, согласно абзацу 2 пункта 1 статьи 460 ГК РФ вправе потребовать уменьшения цены приобретаемого имущества или расторжения договора. Такой законодательный подход основан на том, что при отчуждении имущества, обремененного правами третьих лиц, эти права третьих лиц никуда не исчезают: обременение следует судьбе имущества. Абсурдность такой модели «обременения» становится еще более наглядной, если допустить, что приобретатель дал согласие на передачу имущества, обремененного правом третьего лица (не участвующего в сделке супруга). Получается, что передача такого имущества приведет к тому, что приобретатель станет собственником этого имущества наряду с не участвующим в сделке супругом.

Оставив в стороне модель «обременения», предположим, что необходимость получения согласия не участвующего в сделке супруга связана с тем, что супруг, участвующий в сделке, производит отчуждение не только своего имущества, но и имущества, принадлежащего другому лицу, — второму супругу. Но и эта модель также не выдерживает критики, поскольку сделка совершается не в отношении долей в праве общей собственности (а в нашем случае такие доли изначально отсутствуют), а в отношении общего имущества супругов, как самостоятельного (единого) объекта.

Вообще, логика законодателя относительно совершения сделок, направленных на отчуждение общего имущества супругов, такова, что супруги включаются в гражданский оборот как единое целое (наличие одного супруга в сделке подразумевает общее участие супругов в сделке) лишь потому, что само их право собственности на общее имущество является нераздельным: со-

вершением сделки по отчуждению общего имущества прекращается право собственности на это имущество у обоих супругов, вне зависимости от того, кто из них поименован в сделке в качестве ее стороны. Поэтому согласие не участвующего в сделке супруга подлежит восприятию за пределами конструкции «согласие третьего лица на совершение сделки». Но об этом чуть позже.

Прежде остановимся на выявлении особенностей действия положений статьи 35 СК РФ во взаимосвязи с нормами статьи 253 ГК РФ. И здесь важно сделать одну существенную оговорку: указание закона на то, что положения статьи 253 ГК РФ применяются постольку, поскольку иное в отношении совместной собственности супругов не предусмотрено нормами Семейного кодекса РФ, вовсе не означает, что таковые носят субсидиарный характер. Нормы указанных статей соотносятся как общие (статья 253 ГК РФ) и специальные (статья 35 СК РФ). Это означает, что нормы Гражданского кодекса РФ применяются к отношениям собственности супругов непосредственно (напрямую). Несмотря на то, что субсидиарный порядок применения норм Гражданского кодекса РФ предусмотрен положением статьи 4 СК РФ, это положение не подлежит применению как несоответствующее Гражданскому кодексу РФ (пункт 2 статьи 3 ГК РФ), поскольку имущественные и личные неимущественные отношения, участниками которых выступают, в том числе и члены семьи, относятся к предмету регулирования гражданского законодательства (пункт 1 статьи 2 ГК РФ). Изложенное имеет важное доктринальное и правоприменительное значение, заключающееся в том, что положения статьи 35 СК РФ являются нормами гражданского права.

Обратившись к содержанию статьи 35 СК РФ, нетрудно определить те общие положения статьи 253 ГК РФ, которые вытесняются специальными правилами.

Во-первых, положение пункта 1 статьи 35 СК РФ исключает предусмотренную пунктом 1 статьи 253 ГК РФ возможность установления на основании соглашения собственников иной модели владения и пользования их общим имуществом отличной от владения и пользования, которое осуществляется сообща. По правилам статьи 253 ГК РФ такая «иная» модель может быть предусмотрена соглашением собственников. Супруги владеют и пользуются своим общим имуществом исключительно сообща и никак по-другому. Правда, здесь необходимо обратить внимание на одну терминологическую невыве-

ренность положения пункта 1 статьи 35 СК РФ, в котором вместо смысловой конструкции «*владеть и пользоваться сообща*» (статья 253 ГК РФ) используется смысловая конструкция «*владеть и пользоваться по обоюдному согласию*». Естественно, что последняя смысловая конструкция не несет в себе какого-либо специального смысла, однако терминологически она крайне неудачна: для реализации правомочий владения и пользования слово «*сообща*» (которое используется в статье 253 ГК РФ), на наш взгляд, более точно отражает характер взаимоотношения участников совместной собственности.

Во-вторых, положения пункта 2 статьи 35 СК РФ исключают предусмотренную пунктом 3 статьи 253 ГК РФ возможность ограничения полномочия распоряжения общим имуществом каждым из участников совместной собственности самостоятельно на основе соглашения участников такой собственности.

В-третьих, в отличие от общего механизма оспаривания действительности сделки по распоряжению общим имуществом, когда таковая совершается одним из участников совместной собственности (пункт 3 статьи 253 ГК РФ), правила пунктов 2 и 3 статьи 35 СК РФ устанавливают два специальных механизма оспаривания такой сделки. Общий механизм статьи 253 ГК РФ основан на том, что оспорить действительность сделки по распоряжению общим имуществом, совершенной одним из собственников, можно лишь тогда, когда имело место соглашение, ограничивающее полномочие распоряжения общим имуществом. Если такого соглашения не было, то и возможность оспаривания сделки, совершенной одним из участников совместной собственности, отсутствует. Данный тезис основан на том, что правило пункта 2 статьи 253 ГК РФ, согласно которому «распоряжение имуществом, находящимся в совместной собственности, осуществляется по согласию всех участников, которое предполагается», необходимо воспринимать не в качестве правила, устанавливающего презумпцию изъясления согласованной воли всех участников совместной собственности на распоряжение общим имуществом при действии одного из них, а в качестве правила, предусматривающего фикцию изъясления такой согласованной воли при действии любого из участников совместной собственности.

Что касается специальных механизмов оспаривания статьи 35 СК РФ (в основе которых лежат абсолютно различные установки), то таковые могут быть применены к любой сделке,

совершенной одним из супругов, при наличии соответствующих условий. При этом в сферу действия пункта 2 статьи 35 СК РФ подпадают все сделки, за исключением тех, которые обозначены в пункте 3 статьи 35 СК РФ.

Так, специальный механизм пункта 2 статьи 35 СК РФ допускает возможность оспаривания сделки по распоряжению общим имуществом, совершенной одним из супругов, по причине отсутствия согласия второго супруга. При этом правило абзаца 1 пункта 2 статьи 35 СК РФ, согласно которому «при совершении одним из супругов сделки по распоряжению общим имуществом супругов предполагается, что он действует с согласия другого супруга», основано исключительно на презумпции изъясления согласованной воли супругов. Данную презумпцию можно оспорить лишь при условии, если будет доказано, что приобретатель общего имущества знал или заведомо должен был знать о несогласии супруга, фактически не принимавшего участия в сделке.

Изложенное имеет важное следствие: ни фикция выражения согласованной воли участников совместной собственности на распоряжение общим имуществом (пункт 2 статьи 253 ГК РФ), ни презумпция выражения согласованной воли супругов на распоряжение общим имуществом (пункт 2 статьи 35 СК РФ) не имеют ничего общего с правовой конструкцией *«сделка, для совершения которой требуется согласие третьего лица»*. Обозначенные фикция и презумпция относятся исключительно к формированию воли собственников на распоряжение общим имуществом, когда действие одного из собственников считается действием всех собственников, а значит такие собственники всегда представляют одну сторону сделки [12, с. 76]. Именно по этой причине ни один из собственников не может рассматриваться по отношению к совершаемой сделке в качестве третьего лица. При этом важно понимать, что для цели применения нормы абзаца 2 пункта 2 статьи 35 СК РФ возможность оспаривания сделки связана не с отсутствием согласия третьего лица, а с пороком воли [12]. Специфика формирования воли супругов на распоряжение общим имуществом заключается в том, что для ее формирования и последующего изъясления не требуется соглашения супругов (как это имеет место при долевой собственности). Любое действие одного из супругов априори воспринимается как действие в интересах семьи и будет считаться таковым до тех пор, пока другой супруг не выразит категорическое несогласие на совершение того или иного действия по распоряжению общим

имуществом. Речь не идет о тех случаях, когда один из супругов лишь сформировал внутреннее убеждение, исключающее отчуждение общего имущества. Необходимо, чтобы это убеждение было выражено таким способом, что сделало бы его доступным для восприятия того лица, которое, пренебрегая этим знанием, все же откликнется на предложение другого супруга о приобретении общего имущества. При этом неправильным будет такой факт пренебрежения рассматривать через призму злоупотребления, а равно любого другого случая недобросовестного поведения (т.е. поведения, которое укладывается в рамки закона, но все же не соответствует общепринятым стандартам добросовестного: лицо, которое знает или заведомо должно было знать о несогласии не участвующего в сделке супруга, находится в положении лица, нарушившего закон).

Иначе обстоит дело с оспариванием действительности сделки по правилам пункта 3 статьи 35 СК РФ. Здесь нет места опровержению презумпции изъясления согласованной воли супругов. Единая воля супругов формируется за счет нотариально удостоверенного согласия супруга, который не будет участвовать в ее изъяслении при совершении сделки. При этом если механизм оспаривания сделки по правилам пункта 2 статьи 35 СК РФ основан на дефекте способа изъясления согласованной воли супругов (только в этом случае можно ставить вопрос об опровержении презумпции изъясления согласованной воли), то механизм оспаривания сделки по правилам пункта 3 статьи 35 СК РФ основан на дефекте формы изъясления согласованной воли супругов. Последний не имеет ничего общего с механизмом оспаривания действительности сделки по правилам статьи 173.1 ГК РФ, в основе которого лежит порок субъектного состава — лицо, совершившее сделку, при отсутствии согласия третьего лица на ее совершение, воспринимается как лицо, не обладающее соответствующим правом.

Единственным условием применения механизма оспаривания сделки по правилам пункта 3 статьи 35 СК РФ выступает отсутствие нотариально удостоверенного согласия супруга, заявляющего требование о признании сделки недействительной. Только в этом случае суд, оценив фактические обстоятельства дела, может признать такую сделку недействительной. При оценке таких обстоятельств не должен ставиться вопрос о том, знала или не знала другая сторона сделки об отсутствии нотариально удостоверенного согласия другого супруга. Постановка такого вопроса абсурдна, поскольку сам факт но-

тариального удостоверения устанавливается при совершении сделки. Поэтому супруг, заинтересованный в признании сделки недействительной, будет ссылаться не на установление факта осведомленности стороны сделки об отсутствии его согласия на отчуждение общего имущества, а на отсутствие нотариально удостоверенного согласия. Именно данное условие недействительности сделки прописано в абзаце 2 пункта 3 статьи 35 СК РФ. Никаких других условий оспаривания действительности сделки, в том числе условия, установленного в статье 173.1 ГК РФ, эта норма не предусматривает. В связи с изложенным, полагаем, что нововведение нормы абзаца 2 пункта 3 статьи 35 СК РФ, отсылающее к применению правил статьи 173.1 ГК РФ, выступает примером законодательной ошибки, основанной на неверном восприятии порока совершенной сделки, а сложившаяся за последнее десятилетие правоприменительная практика, допускающая применение статьи 173.1 ГК РФ при оспаривании действительности сделок по распоряжению общим имуществом супругов, совершенных одним из них, противоречит характеру отношений совместной собственности супругов.

Заключение

Резюмируя вышеизложенное, можно сформулировать следующие основные выводы. Во-первых, нормы статьи 253 ГК РФ и статьи 35 СК РФ соотносятся между собой как общие и специальные. Соответственно, нормы Гражданского кодекса РФ должны применяться к отношениям собственности супругов непосредственно (напрямую), а сами положения статьи 35 СК РФ следует считать нормами гражданского права. Во-вторых, правила пунктов 2 и 3 статьи 35 СК РФ устанавливают два специальных механизма оспаривания сделки по распоряжению общим имуществом по сравнению с общим механизмом

оспаривания таких сделок, предусмотренного в пункте 3 статьи 253 ГК РФ. Данные специальные механизмы оспаривания сделки могут быть применены к любой сделке, совершенной одним из супругов, при наличии соответствующих условий. При этом ни один из этих механизмов не имеет ничего общего с механизмом оспаривания действительности сделки по правилам статьи 173.1 ГК РФ, в основе которого лежит порок субъектного состава. В-третьих, специальный механизм пункта 2 статьи 35 СК РФ основан на возможности оспаривания презумпции изъявления согласованной воли супругов: необходимо доказать, что приобретатель общего имущества знал или заведомо должен был знать о несогласии супруга, фактически не принимавшего участия в сделке. Данная презумпция относится к формированию воли собственников на распоряжение общим имуществом, когда действие одного из собственников считается действием всех собственников, а значит такие собственники всегда представляют одну сторону сделки. В-четвертых, специальный механизм оспаривания действительности сделки по правилам пункта 3 статьи 35 СК РФ связан со спецификой формирования единой воли супругов: таковая формируется за счет нотариально удостоверенного согласия супруга, который не будет участвовать в ее изъяснении. Соответственно, единственным условием применения данного механизма оспаривания сделки выступает отсутствие нотариально удостоверенного согласия супруга, заявляющего требование о признании сделки недействительной. Таким образом, если механизм оспаривания сделки по правилам пункта 2 статьи 35 СК РФ основан на дефекте способа изъяснения согласованной воли супругов, то механизм оспаривания сделки по правилам пункта 3 статьи 35 СК РФ основан на дефекте формы изъяснения согласованной воли супругов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. — Москва : М-Логос, 2018. — 1264 с.
2. Илюшина М.Н. Новеллы о сделках и договорах, требующих нотариального сопровождения, введенные Федеральным законом от 29.12.2015 № 391-ФЗ / М.Н. Илюшина. — EDN VSVEAP // Нотариальный вестник. — 2016. — № 2. — С. 2–11.
3. Михеева Л.Ю. Концепции развития семейного законодательства у нас в стране нет / Л.Ю. Михеева. — EDN YJVSBB // Закон. — 2017. — № 2. — С. 6–20.
4. Добровинский А.А. Проблемы толкования пункта 2 статьи 35 Семейного кодекса РФ в российской правовой науке и судебной практике / А.А. Добровинский. — DOI 10.17803/1729-5920.2020.160.3.009-019. — EDN ZVXCUI // Lex Russica (Русский закон). — 2020. — Т. 73, № 3. — С. 9–19.
5. Багрова Н.В. Индивидуальное правовое регулирование имущественных отношений супругов : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Н.В. Багрова. — Томск, 2019. — 259 с. — EDN NYFDRF.
6. Дятлов Е.В. Отдельные проблемы регулирования правового положения третьих лиц, чье согласие необходимо на совершение сделки / Е.В. Дятлов. — EDN RWUWSZ // Образование. Наука. Научные кадры. — 2014. — № 1. — С. 34–38.

7. Карапетов А.Г. Обзор интересных определений о передаче дел в СКЭС ВС РФ: борьба со злоупотреблениями в применении ст. 10 ГК, берегись холостяков и чистые экономические убытки приходят в РФ / А.Г. Карапетов // *Zakon.ru*. — 2018. — 23 апр. — URL: https://zakon.ru/blog/2018/4/23/obzor_interesnyh_opredelenij_o_peredache_del_v_skes_vs_rf_borba_so_zlupotrebleniyami_v_primenenii_s.

8. Летова Н.В. Деятельность нотариата как форма обеспечения защиты семейных прав граждан / Н.В. Летова. — DOI 10.53578/1819-6624_2023_10_27. — EDN DNWYWE // *Нотариальный вестник*. — 2023. — № 10. — С. 27–35.

9. Ганичева Е.С. Особенности доказывания по делам о защите имущественных прав супругов и пути совершенствования обеспечивающего их реализацию законодательства / Е.С. Ганичева. — DOI 10.12737/jrl.2020.047. — EDN OWWYVE // *Журнал российского права*. — 2020. — № 4. — С. 126–140.

10. Зими́на М.Ю. Институт согласия в гражданском праве России : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / М.Ю. Зими́на. — Москва, 2019. — 209 с.

11. Пирогова Е.Е. Законность применения судами статьи 173.1 Гражданского кодекса Российской Федерации при оспаривании сделок, совершенных супругами / Е.Е. Пирогова. — EDN TWKQKH // *Семейное и жилищное право*. — 2015. — № 3. — С. 7–9.

12. Соломин С.К. Юридические факты и иные жизненные обстоятельства: цивилистический очерк / С.К. Соломин, Н.Г. Соломина. — Москва : Юстицинформ, 2022. — 168 с. — EDN DYSNZB.

REFERENCES

1. Karapetov A.G. (ed.). *Transactions, representation, limitation period: article-by-article comment to articles 153–208 of the Civil Code of the Russian Federation*. Moscow, M-Logos publ., 2018. 1264 p.

2. Ilyushina M.N. The New Legislation on the Transactions and the Contracts which are Needed to be Accompanied by the Notary Came into Force by the Federal Law no. 391-fz «on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» of 29 December 2015. *Notarial'nyi vestnik = Notary Bulletin*, 2016, no. 2, pp. 2–11. (In Russian). EDN: VSVEAP.

3. Mikheeva L.Yu. We Do Not Have a Concept for the Development of Family Legislation in Our Country. *Zakon = Law*, 2017, no. 2, pp. 6–20. (In Russian). EDN: YJVSBB.

4. Dobrovinskiy A.A. Problems of Interpretation of Paragraph 2 of Article 35 of the Family Code of the Russian Federation in Russian Legal Science and Jurisprudence. *Lex Russica*, 2020, vol. 73, no. 3, pp. 9–10. (In Russian). EDN: ZVXCUI. DOI: 10.17803/1729-5920.2020.160.3.009-019.

5. Bagrova N.V. *Individual Legal Regulation of Property Relations of Spouses*. Cand. Diss. Tomsk, 2019. 259 p. EDN: NYFDRF.

6. Dyatlov E.V. Some Problems of Regulating the Legal Status of Third Parties Whose Consent is Required for the Transaction. *Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry = Science. Education. Academic Staff*, 2014, no. 1, pp. 34–38. (In Russian). EDN: RWUWSZ.

7. Karapetov A.G. Overview of interesting definitions on transfer of cases in the BCS of the Russian Federation: fight against abuse in the application of art. 10 GB, beware of bachelors and net economic losses come to Russia. *Zakon.ru*, 2018, April 23. URL: https://zakon.ru/blog/2018/4/23/obzor_interesnyh_opredelenij_o_peredache_del_v_skes_vs_rf_borba_so_zlupotrebleniyami_v_primenenii_s.

8. Letova N.V. Activities of the Notary as a Form of Protection of the Family Rights of Citizens. *Notarial'nyi vestnik = Notary Bulletin*, 2023, no. 10, pp. 27–35. (In Russian). EDN: DNWYWE. DOI: 10.53578/1819-6624_2023_10_27.

9. Ganicheva E.S. Features of Evidence in Cases of Protection of Spouses Property Rights and Current Issues of Improving Legislation Ensuring Their Implementation. *Zhurnal rossiyskogo prava = Russian Law Journal*, 2020, no. 4, pp. 126–140. (In Russian). EDN: OWWYVE. DOI: 10.12737/jrl.2020.047.

10. Zimina M.Yu. *Institute of Consent in Russian Civil Law*. Cand. Diss. Moscow, 2019. 209 p.

11. Pirogova E.E. Legitimacy of Application by Courts of Article 173.1 of the Civil Code of the Russian Federation in Contesting Transactions Performed by Spouses. *Semeinoe i zhilishchnoe pravo = Family and Housing Law*, 2015, no. 3, pp. 7–9. (In Russian). EDN: TWKQKH.

12. Solomin S.K.I., Solomina N.G. *Legal Facts and Other Life Circumstances: Civilistic Essay*. Moscow, Yustitsinform Publ., 2022, 168 p. EDN: DYSNZB.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Наталья Геннадьевна Соломина — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин. Тюменский государственный университет. 625003, Тюмень, ул. Володарского, 6; SPIN-код: 9197-2791.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalia G. Solomina — Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Civil Law Sciences. Tyumen State University. 6, Volodarsky st., Tyumen, 625003; SPIN-code: 9197-2791.

Поступила в редакцию / Received 05.03.2025

Доработана после рецензирования / Revised 15.04.2025

Принята к публикации / Accepted 18.06.2025